

Предупреждение: болезненное соитие.

Шень Янь в ошеломлении открыл глаза. Всхлип человека, прижавшегося к его плечу, походил на слабое покалывание, пронзившее его сердце.

- Не плачь... - произнес он охрипшим голосом. Его телу было так горячо - казалось, его горло заполнили медленно тлеющие угли, каждое слово купалось в ожогах.

Он нежно придержал затылок Ци Цзина рукой, притягивая его ближе к себе. Он услышал, как Ци Цзин ответил мягким «Мн», лицо, прижатое к его груди, дважды о нее потерлось. Но плечи Ци Цзина все еще дрожали - правая рука почти умоляюще царапнула ему спину, причинив ему жгучую боль.

Шень Янь нахмурился и какое-то время тяжело дышал, по-прежнему поддерживая затылок Ци Цзина, а затем сдержанно двинулся глубже.

Это ощущалось словно железное долото, которое дюйм за дюймом вколачивали в деревянный брусок молотом.

Очень жесткое и очень тупое.

Очень прямолинейное, не оставляющее ни малейшей возможности уклониться, упорно заполнявшее его целиком.

- Ах... - Ци Цзин уже соображал с трудом, лоя ртом воздух, как будто задыхался.

Но из глубины его горла вырывались не только судорожные вздохи - там были еще какие-то другие прерывистые звуки, которых он никогда раньше не слышал. Словно каждый звук, влажный и мутный, всплывал из глубины вод, они вызывали привыкание, как анестезия.

- Шень Янь...

Его разум не мог даже определить, должен ли был этот зов отказать или пригласить...

Но его тело было довольно честным.

Всякий раз, когда человек позволяет своим инстинктам среагировать на боль, он отталкивает ее источник, однако сам он продолжал крепче сжимать объятия, кусал губы, чтобы не зарыдать, и медленно раздвигал ноги, приглашая этого человека. Но все равно, без какой-либо предварительной подготовки все это было для него крайне болезненно.

Шень Янь на мгновение остановился; он закрыл глаза и продолжал только тяжело дышать.

Он наклонился, линия его спины медленно изгибалась, словно стальной стержень, показывая напряжение и давление, которое он чувствовал. Рука Ци Цзина отчетливо ощущала быстрое движение его плеч. По всей вероятности, ему тоже было больно – дыхание у него прерывалось и даже спина покрылась тонким слоем пота.

Ци Цзин поймал смутную мысль и начал инстинктивно двигаться, пытаясь найти позу, в которой можно было бы уменьшить боль.

Это движение затронуло и то, что находилось внутри.

Ци Цзин вздрогнул всем телом, и на мгновение его разум прояснился.

Поняв, что принимает другого внутрь своего тела, он согнул пальцы ног и инстинктивно захотел свести ноги вместе, желая лишь похоронить чувство стыда глубоко внутри собственного сердца. Но та вещь внизу насильно пронзала его, и навязчивое ощущение присутствия не замечать было невозможно. Весь его позвоночник словно било электрическим током, даже эти глубоко пульсирующие вены, казалось, были вырезаны медленно трущимися об него ножами.

- ...Ах... - сердце колотилось так тяжело, что в груди появилась тупая боль, а кровь прилила к голове. Лицо Ци Цзина мгновенно начало гореть, он инстинктивно свернулся клубочком в руках этого человека, пальцы крепко сжали его плечи.

Шень Янь потянулся вниз, тяжело дыша и полностью в него погружаясь.

- А-ах... - он все равно не удержался и вскрикнул, хотя и пытался подавить боль настолько, насколько мог.

Ци Цзин задыхался, глотал ртом воздух с каждым вдохом. Он повернул голову набок, будто лишившись последней капли энергии и плотно закрыл глаза. Его профиль от кончиков ушей до ключиц дрожал в свете лампы, блеск пота окрашивал силуэт в золотой цвет. Если глядеть на него сверху, то он казался рыбой, выброшенной на берег и борющейся за жизнь под ясным солнечным светом, который отражался в сумерках от волн.

...Было ли это больно? Конечно же, было.

Шень Янь протянул руку, нежно поглаживая его лицо.

- Ци Цзин, - его голос охрип, только теперь ему удалось выговорить целое связное предложение, - ...если хочешь меня оттолкнуть, делай это сейчас.

Он произнес это очень медленно. Каждое слово было для него пыткой, словно капли пота, соскальзывавшие с его волос одна за другой. Они падали на тело Ци Цзина, оставляя после себя соленый и горький привкус – и это был привкус мольбы.

Услышав его просьбу, Ци Цзин медленно открыл глаза. Их взгляды были прикованы друг к другу.

Глаза Ци Цзина все еще были покрасневшими и влажными в уголках, а с лица все еще не сошла бледность от боли, но в этот момент он вдруг тихо рассмеялся.

Пара глаз изогнулась полумесяцами, образуя две безмятежные и красивые дуги. При этом движении слеза, размером с горошину, скатилась по щеке и беззвучно просочилась между пальцами Шень Яня. Свет, отражавшийся в его влажных глазах, тоже стекал по волосам вместе с этой слезой, переполняя его, как и нахлынувшие чувства.

На пальце Шень Яня все еще оставался пластырь. Слеза Ци Цзина просочилась под край, соль в слезе постепенно проникала в рану и вызывала легкую, но жгучую боль.

В этот момент Ци Цзин повернул голову и потерся щекой о поверхность пластыря, его губы коснулись запястья Шень Яня, а потом ладони и пальцев. В конце концов они нашли свой путь к ножу, отрезавшему их от прошлого, и, как кот, зализывающий рану, он провел кончиком языка по суставу под пластырем.

- Если ты хочешь продолжить... То делай это сейчас, - ответил он, отпустив палец Шень Яня.

Ответ был ясен, как день, – на самом деле он был ясен уже в тот момент, когда этот человек проник в его сердце.

Все то, что называется силой воли, разумом, терпением.

Оно больше не имело никакого значения.

Шень Янь глубоко вдохнул.

Он положил руку на лоб Ци Цзина, откинул ему назад волосы и уложил его голову обратно на подушку.

Ци Цзин поддался его движению, откинувшись назад и немного выгнув спину. В этот момент Шень Янь прижал его к кровати и, крепко схватил, удерживая бедра Ци Цзина. Он раскачивал свое тело, стараясь как можно лучше контролировать силу, когда начал двигаться.

Голова Ци Цзина была откинута назад. Его адамово яблоко при свете было видно ясно –

каждый раз, когда он слегка сглатывал, потому что горло сильно пересохло, это место двигалось вверх и вниз. Шень Янь без предупреждения опустил голову и укусил, приложив больше силы, чем когда-либо прежде, до такой степени, что Ци Цзин застонал – может быть, от боли, а может быть, от чего-то еще – и откинулся спиной на подушку, тяжело дыша.

Но Шень Янь был уже на шаг впереди него – рукой он крепко держался за край кровати, тело пошло вслед за телом Ци Цзина, продолжая крепко в него вжиматься.

- Ах...

Разум Ци Цзина опустел, перед глазами появилось белое пятно – все его чувства сосредоточились в месте, где они двое соединялись. Правая рука соскользнула с плеча Шень Яня и тяжело упала на край кровати, все кости в теле онемели, из-за этого он полностью прекратил сопротивление и мог только крепко сжимать угол подушки.

Та боль, что была вначале, уже угасала, а вслед за ней появилось отчетливое, острое ощущение проникновения мужчины.

Это было все еще больно, да, но он хотел, чтобы его вошли еще полнее.

Он все еще плакал, но слезы боли уже высохли, и рыдания, вырывавшиеся из горла, тоже прервались. Глаза чуть жгло; свет крутился внутри них, безусловно запечатлевая человека перед собой, – их взгляд казался гораздо более пронзительным, чем пролитые слезы.

- Шень Янь... – Ци Цзин внезапно окликнул его по имени между толчками.

Шень Янь ответил ему, подняв взгляд. Он тяжело дышал в тот момент, когда наклонился, чтобы поцеловать его между бровей. Целовал он особенно нежно.

- Шень Янь, – произнес Ци Цзин, – я люблю тебя.

Его слова исказались из-за того, что тела были переплетены, но они очаровывали более, чем когда-либо прежде. Шень Янь не ответил, только левой рукой схватил его за кисть, цеплявшуюся за наволочку, и разжал пальцы. Когда Ци Цзин полностью ослабил хватку, Шень Янь переплел их пальцы вместе и крепко сжал.

Жизни этих двоих, казалось, тесно сплелись вместе, как и их переплетенные пальцы.

Ранней зимней ночью повсюду было тихо, и даже малейшее движение слышалось с предельной ясностью, не говоря уже о том, что оба они были чувствительны к звукам.

Быстрые и тяжелые вздохи, шуршание простыней, даже слабое поскрипывание кровати,

которая раскачивалась под их движениями, – все эти звуки накладывались друг на друга и слышались яснее в сто раз. Простыни выглядели так, словно на них разгорелась битва, оставив их в ужасном беспорядке, но каждая складка и каждый сгиб доказывали, что они оба впервые захотели немедленно отдать себя другому.

После того, как Шень Янь сбросил одежду, стало видно его тело – тело крепкого взрослого мужчины – и он оказался сложен гораздо лучше, чем Ци Цзин когда-либо себе представлял.

Пот стекал по сильным контурам его мышц, очерчивая их как прямой луч света. Одна капля падала на тело Ци Цзина за другой и размазывалась между их переплетенными конечностями. Даже его волосы увлажнились.

Кожа головы была уже мокрой от пота, свет золотил волосы. Когда Ци Цзин провел по ней рукой, влажная смесь золотого и черного обернулась вокруг его пальцев, словно нити шелка, покрытые тонким слоем воска, придававшего им чарующий блеск.

Шень Янь уткнулся головой Ци Цзину в шею, так, что его волосы продолжали касаться кожи в этом месте – это происходило всякий раз, когда он глубоко в него погружался. С каждым толчком эти угольно-черные волосы касались горла Ци Цзина, каждая прядь раздувала огонь похоти, с чем бы она не соприкасалась. Этот огонь вскоре разлился в море пламени.

Для Ци Цзина существовало еще одно море, кроме того, которое было заполнено огнем.

То море было другого рода.

В нем он с изумлением превратился в корабль, бьющийся о скалы, incapable плыть вперед, но и incapable отступить. Всякий раз, когда буйно подымался прилив, он со всей силой ударял о борт корабля, бросал его на риф и причинял ему тупую боль. Сил бороться не было, он мог только дрейфовать вместе с волнами и плыть по течению, в изнеможении словно скатываясь с изогнутых подъемов волн, следуя за ними вверх и вниз.

Но страха он не чувствовал.

Наоборот, в глубине души он осознавал, что... именно этому морю он и принадлежит.

Когда последний прилив накатил со всей силой, корабль в конце концов разбился под мощными ударами морских волн, раскрылся – морская вода хлынула внутрь того, что когда-то было кораблем. Только тогда он ощутил, что постепенно успокаивающееся море оказалось таким уютным, теплым, немного бурным, оно постепенно заливало самые глубины корабля.

После отлива обломки медленно погружались на морское дно, постепенно сливаясь с ним в одно целое. Ко всему возвращалось спокойствие.

Из-за разницы температур спереди и сзади Ци Цзин вздрогнул. Только в этот миг он понял, что его спина вовсе не укрыта мягким морским песком, а утопает в скомканных простынях.

Процесс их разъединения был похож на видео в замедленной съемке: с момента, когда Шень Янь отпустил его руку, погладил талию Ци Цзина, оперся на свое собственное тело – все это казалось таким медленным и заботливым. Прежде чем выйти полностью, Шень Янь легонько толкнулся в последний раз, из-за чего из горла Ци Цзина вырвался неразборчивый стон. Он охнул, а затем обмяк в его объятиях.

Ци Цзин задыхаясь, откинулся на кровать и протянул руку, чтобы обнять Шень Яня, и положил себе на грудь голову этого человека без малейшего намека на неловкость. Они двое сплелись вместе, словно куски влажной ткани, которые в тот момент не вынесли бы расставания. Они не оставили ни одного промежутка, ни одного зазора, где их можно было бы оторвать друг от друга.

Рассеянный все это время взгляд сфокусировался, ослепительный свет снова обрел четкость, бесшумно возвращаясь к своему месту на стене.

В эту минуту они оба были мокрыми, их тела покрывала слегка соленая влага, и они мало чем отличались от пары людей, которых только что выловили из моря.

Жгучая боль внизу уменьшилась и притупилась, перестала быть такой яркой, но сердце вдруг наполнилось удушающим чувством потери.

- Шень Янь... - ответа не было.

- Шень Янь, - Ци Цзин окликнул его охрипшим голосом еще раз. В горле пересохло, говорить было некомфортно, но произнеся это имя вслух, он почувствовал себя легче.

Но даже спустя долгое время ответа Ци Цзин не услышал, поэтому не выдержал и поднял голову, желая на него взглянуть.

В этот момент в изгиб его шеи упало что-то холодное и влажное, застав его врасплох. Поначалу это была только пара капель, потом их стало все больше и больше, и только тогда Ци Цзин понял, что Шень Янь плачет.

Может быть потому, что тот пытался так сильно сдерживать себя, звуки, вырывавшиеся из его горла, были резковатыми и интенсивными, сдавленные рыдания смешивались с приглушенными всхлипами. Кажется, он хотел что-то сказать, но не мог произнести ни слова – только крепче сжимал руку Ци Цзина, не желая его отпускать. Ци Цзин почувствовал в груди укол боли и не выдержав, прижал его как можно ближе к себе, давая ему в своих объятиях ощущение безопасности, что-то вроде укрытия от ветра и дождя.

- Ясно же, что это мне было больнее? - прошептал Ци Цзин ему на ухо наполовину в шутку, наполовину в утешение, но в его голосе не было ни намека на упрек.

С самого начала до конца Шень Янь не говорил ни слова. Только его рука, державшая руку Ци Цзина, немного шевельнулась. После того, как Шень Янь ослабил хватку она медленно обвила спину Ци Цзина, привлекая его в крепкие объятия, наполненные чувствами.

Приподнятые уголки губ Ци Цзина медленно опустились; больше не улыбаясь, он ответил таким же крепким объятием. Плечи Шень Яня задрожали, и только тогда - как будто он получил какое-то разрешение - он изо всех сил сжал человека перед собой. И в то же самое время плотина, сдерживавшая его слезы, рухнула. Большую часть времени он не издавал ни звука - только плечи слегка вздрагивали. Он уткнулся лицом в изгиб шеи Ци Цзина, несколько неуверенно ее целуя.

Ци Цзин не делал ничего, только молча гладил его волосы и так же молча ждал.

Когда постепенно тело этого человека перестало дрожать, Ци Цзин тихо спросил:

- Теперь лучше?

- ...Мн, - эмоции Шень Яня наконец улеглись, только в горле у него пересохло, и слова, перемежавшиеся тихими всхлипываниями, звучали все еще немного неразборчиво. - Прости меня.

Ци Цзин со смешком покачал головой, поцеловал его в лоб и продолжил терпеливо приглаживать его влажные волосы.

Шень Янь только что получил физическое и эмоциональное облегчение, его разум и тело были утомлены. Все его существо казалось опустевшим, будто всю свою живую часть он отдал другому, оставив себе только пепел. С озадаченным выражением на лице он наклонился, его кожа медленно прижалась к коже Ци Цзина.

- Я... чувствую себя опустошенным, - сказал он очень тихим голосом. Возможно, это произошло потому, что он только что выплакал свою боль, но его горло было невероятно охрипшим - если бы они не находились так близко, его было бы невозможно услышать.

- Ты имеешь в виду - пустым? - Ци Цзин погладил его волосы, зарывшись в них половиной лица, чтобы вдохнуть знакомый аромат шампуня.

- Нет, - механически пробормотал Шень Янь в ответ. - ...Такое ощущение, что я... сбежал.

Это походило на то, как будто после побега перед ним была только пустота, оставившая его в недоумении - куда ему двигаться дальше? Но по крайней мере он знал, что свободен, поэтому

ему было очень легко и спокойно.

- Сбежал? Кто же так говорит? - Ци Цзин усмехнулся, как ленивый кот, слегка сцепил пальцы и потянул руку Шень Яня себе на грудь, указательным пальцем прослеживая тонкую и длинную линию любви на ладони. Затем его губы шевельнулись не дальше, чем в сантиметре от Шень Яня. - Теперь ты уже мой мужчина, даже не думай о побеге в этой жизни.

Было совершенно ясно, что именно он был тем, кого брали, но тем не менее, у него хватало наглости дразнить Шень Яня вот так.

Шень Янь слабо засмеялся, опустив глаза, и мягко произнес:

- Ладно.

Сначала Ци Цзин застыл - а когда пришел в себя, то поддразнивающим тоном пробормотал Шень Яню на ухо:

- Глупый.

Но сердце у него забилося от счастья - только в эту минуту он познал блаженство полного обладания другим человеком. В отличие от Шень Яня, который ощущал пустоту, сам он чувствовал себя наконец-то завершенным.

Когда Шень Янь вошел в него, кусочки, которых ему не хватало все эти годы, вернулись в его тело, завершив, заполнив его во время того, как они взаимно заявили права друг на друга - и то же самое, вероятно, произошло и с Шень Янем.

Его собственная головоломка.

Пазл Шень Яня.

Оказалось, что только когда эти две головоломки объединятся, он сможет увидеть более широкую картину запутанного лабиринта и найти выход, который он видел.

Но Ци Цзин не торопился уходить - ему больше хотелось смаковать моменты нежности и совместного поиска пути.

За окном не было слышно ни звука.

Казалось, что время остановилось на целую вечность. Они не могли разъединиться, а узкая кровать давала им прекрасное оправдание для того, чтобы поспать, обняв друг друга, жадно

прижиматься друг к другу, прислушиваясь к ровному и сильному биению сердец в груди друг у друга. Почти все остаточное тепло исчезло; кости Ци Цзина все еще болели, он чувствовал онемение. Но, тем не менее, кроме этого, он ощущал еще и нечто сладкое и мягкое, похожее на кус только что растаявшего сахара.

- Я отнесу тебя в душ... - тон Шень Яня вернулся к прежней мягкости, он с обожанием погладил пальцами лицо Ци Цзина.

- Нет, - Ци Цзин покачал головой и закрыл глаза, ворочаясь в его объятиях; затем он тихо произнес. - Мне нравится чувствовать вкус, который ты оставил во мне. По крайней мере... позволь мне подождать до завтрашнего утра, ладно?

Его тон звучал одновременно умоляюще и застенчиво.

Шень Янь не сказал в ответ ничего, молча двигая рукой от затылка Ци Цзина к его волосам, и опустил голову, долго его целуя. Тем не менее, хотя Ци Цзин и сказал такое, кровать, на которой они лежали, была слишком узкой. Они не обратили на нее внимание в момент страсти, но только теперь, лежа там вместе, это осознали.

Поэтому он предложил:

- Давай вернемся в спальню и поспим?

Ци Цзин не ответил, только пробормотал тихо «Ммм», кротко уткнулся в его руки, оставаясь там и не желая двигаться с места долго-долго. Шень Янь тоже не торопил его, находясь рядом и молча слушая течение времени.

Пока Ци Цзин вдруг не открыл рот и не задал вопрос:

- Который час?

Небольшое добавление от переводчика.

Автор писала, что застряла на этой сцене. Я тоже застряла. Да, и писать и переводить эротику так, чтобы не скатиться в пошлость, тяжело, я это знаю и с той и с другой стороны. Но блин! Почему?! Почему у китайских авторов то и дело вылезает эдакая хтонь, а?! И вот вроде бы герои друг друга искренне любят и хотят а вот поди ж ты! Нет, нужно, чтобы боль, страдание в все такое, иначе нещитово... 卍卍卍卍卍卍

<http://bllate.org/book/13906/1225628>